

Святой Меча усмехнулся:

— В каком-то смысле да. Нашему брату часто приходится переступать через законы, а на границе жить куда свободнее.

— А ты, парень? — спросил юношу старик Сюй. — Ты ведь еще совсем сопляк, чего ради бежишь в эти края?

Оказавшись перед двумя людьми из поднебесья, открыто признающимися, что часто нарушают законы, Его Высочество немного нервничал.

Настоящий мужчина не мог позволить себе струсить в подобном обществе, а потому Лу Цянь прищурился и с мрачным видом попытался запугать стариков:

— Я разыскиваемый преступник.

Старики обомлели:

— Преступник? И что же ты совершил?

Этот вопрос имел огромное значение. Лу Цянь посчитал, что обязан назваться виновным в чем-то ужасающем, дабы показать свою свирепость, а потому...

— Вырезал целый город.

Лу Цянь с хладнокровным видом изображал из себя кровожадного маньяка и, как ни в чем не бывало, спросил в ответ:

— А вы? В чем ваша вина?

Оба старика опешили.

Глава Сюй робко ответил:

— Мы... мы уклонились от трудовой повинности.

— И поземельный налог не уплатили, — Святой Меча, плохо разбиравшийся в законах, придумал еще одно «преступление», чтобы поддержать разговор.

Лу Цянь: «...»

Нависла неловкая тишина.

Неужели из-за банального уклонения от повинности стоит бежать на самую границу? Да еще и деревья бездумно рубить.

Не будь Его Высочество перепуган, он ни за что не переборщил бы так с хвастовством.

Раздосадованный, принц-«кровожадный маньяк» подхватил телегу с грузом и пошагал прочь.

*

Появление наследного принца смешало все карты.

В военном лагере никто не знал, что наследный принц тайно возвращался во дворец.

Наследный принц узнал об обстановке от Лу Цзыяо. Чтобы удержать ситуацию под контролем, он объявлял всем, будто они с пятым братом планировали напасть на остатки войск киданей — один открыто, другой скрытно, — но попали в плен, а прошлой ночью, воспользуясь бегством разбитых киданьских отрядов, сумели вырваться на свободу в возникшей путанице.

Как и ожидал наследный принц, наместник Северо-Запада, едва увидав его живым, тут же поспешил провести четкую черту между собой и семьей Тун.

Наследный принц представлял законную власть; пока он был жив, у третьего принца не оставалось ни малейшего шанса вступить в борьбу за престол.

Наместник Северо-Запада снова переметнулся на правильную сторону, оставив Тун Нинчжао с изолированным отрядом, не смевшим действовать опрометчиво.

Наследный принц первым делом отправился в шатер проводить венценосного отца.

Лишь спустя долгое время он смог узнать в иссохшем старике на ложе своего отца-Императора, и сердце его сжала сокрушительная скорбь.

Услышав от лекарей, что Император не приходит в сознание, а суровые условия военного лагеря не позволяют больному поправиться, наследный принц немедленно приказал готовиться к отправке отца в столицу.

Однако третий принц воспротивился, заявив, что Император тяжело ранен и не вынесет тряски в пути.

Оставшись в лагере, Император был обречен на смерть. По словам лекарей, раны сами по себе не представляли смертельной опасности — правитель пострадал от яда киданьских стрел. В полевых условиях не хватало нужных снадобий для лечения, а возвращение в столицу давало хоть какой-то шанс на спасение, пусть и оставался риск скончаться по дороге. Из-за этого никто не решался выступить с подобным предложением; взять на себя такую ответственность смел лишь наследный принц.

Наследный принц приказал наместнику Северо-Запада возглавить эскорт для охраны государя, а Тун Нинчжао — отвести свои войска обратно в Гуандун, оставив на поле боя только Императорскую гвардию для противостояния остаткам киданей.

Но третий принц отказался выдать верительные тигриные бирки, упорно настаивая на том, что Император не отдавал приказа об отступлении, а вывод войск равносителен дезертирству.

Наследный принц понимал, что оставаться на границе бессмысленно, да и обменять заложников уже не представлялось возможным: киданьский принц бесследно исчез.

Третий принц утверждал, будто седьмой принц сбежал с поля боя, предварительно отпустив заложника и внеся смуту в лагерь.

На самом деле киданьского принца освободил вовсе не седьмой принц.

Это случилось три дня назад ночью.

Третий принц планировал убить киданьского принца, после чего пустить слух о его смерти, вызвавшись спровоцировать киданей на казнь пятого принца и наследного принца, дабы навсегда избавиться от соперников.

Четвертый принц на словах поддержал заговор третьего брата, но, вернувшись в свой шатер, не мог сомкнуть глаз.

Еще до рассвета киданьский принц лишится жизни, и перед глазами четвертого принца то и дело всплывали жуткие картины: его старший брат и пятый брат обезглавлены, а их тела осквернены киданями.

Благодаря просьбе, обращенной в свое время си-фэй к Императору, и-гуйжэнь внесли в список спутниц государя в его поездке. Благодаря этому четвертый принц с матерью провели последние десять лет во дворце достойно и без нужды заискивать перед третьим принцем, сохраняя вполне приемлемые отношения с остальными братьями.

Хотя старший брат в присутствии Императрицы никогда не оказывал четвертому принцу знаков расположения, наедине относился к нему совсем не плохо. Даже шесть лет назад, когда зашла речь о пожаловании титулов, именно старший брат с глазу на глаз замолвил за него слово перед отцом. Не сделай он этого, четвертый принц, чего доброго, так и остался бы без титула, даже когда Седьмой стал князем Нин.

Вспомнив проявляемую старшим братом заботу, четвертый принц глубокой ночью тайком поднялся, прокрался в секретный лагерь и отпустил киданьского принца.

Освобождая пленника, четвертый принц потребовал, чтобы тот вернул наследного принца и пятого принца, на что киданьский принц поклялся небесами на ломаном китайском.

Четвертому принцу оставалось лишь поверить, ведь едва растает ночь, третий брат лишит жизни киданьского принца, и тогда у старшего и пятого братьев вовсе не останется шансов выжить.

Однако прошло три дня с момента бегства киданьского принца, от пятого брата так и не поступило никаких вестей, зато возвратился наследный принц.

Теперь, когда заложника не стало, обменять пятого принца не представлялось возможным, а значит, вывезти все войска из лагеря было нельзя.

Наследный принц твердо стоял на своем: оставить только Императорскую гвардию, а войскам Северо-Запада поручить незамедлительное сопровождение венценосного отца в столицу для лечения.

Третий принц категорически отказывался, и в пылу спора у него вырвалась давняя заветная мысль:

— Старший брат, ты больше не наследный принц!

Братья непрерывно пререкались в шатре Императора, и этот шум чудом разбудил государя.

Услышав покашливание Императора, все оцепенели. Когда раздался второй кашель, присутствующие одновременно повернулись к ложу.

Наследный принц стремительно бросился к ложу:

— Отец!

Император выглядел совершенно не так, как во время прошлого пробуждения: щеки запали,

губы иссохли и посинели — яд глубоко проник во внутренние органы.

Его глаза, затянутые словно бы серой пеленой, долго и спокойно разглядывали наследного принца, прежде чем прозвучал медленный, еле слышный шепот:

— Цзиньань вернулся... Хорошо, хорошо...

— Отец... Ваш покорный слуга виноват перед Вами и заслуживает смерти... — Наследного принца сжигало раскаяние, но сейчас было не время изливать душу. Он лишь сжал руку отца, изо всех сил сдерживая слезы и не поднимаясь с колен.

Реакция Императора была чрезвычайно замедленной. Лишь спустя долгое время он еле слышно ответил:

— Это Я виноват.

Наследный принц поднял взгляд на отца; окружение резонно сочло, что правитель собирается огласить предсмертную волю.

Император смотрел уставленным в пустоту взором и, точно в бреду, шептал:

— Я думал, у Меня еще полным-полно времени, чтобы всё исправить... Цзиньань...

Серый, угасающий взгляд Императора снова обратился к лицу наследного принца.

— Ваш слуга здесь! — Наследный принц подался ближе.

Император долго и отрешенно смотрел на старшего сына, будто пытаясь разглядеть на его лице черты совсем другого человека.

— Улыбнись Мне... — заговорил он. — Во сне твоя матушка неустанно плачет... Я так давно не видел ее улыбки, обращенной ко Мне.

Наследный принц обомлел, а затем попытался выдавить из себя улыбку, вышло хуже, чем если бы он рыдал, но он попытался утешить отца:

— Матушка скучает по Вам, Отец. Сегодня же Ваш слуга отправит Вас во дворец.

Император словно не слышал его слов и растерянно шептал дальше:

— Когда она только родила тебя, она вовсе не была столь сурова. В те дни Я пообещал ей: на первом месте для Меня Поднебесная, на втором — вы с матерью. Но потом Я нарушил слово... И у Меня не осталось лица перед ней. Я знал, что в ее душе таится обида, потому и позволял ей вымещать злобу на супругах и наложницах.

— Отец оказывал матушке и Вашему слуге превеликую милость! — Наследный принц с малых лет таил в душе обиду на отца, но теперь его мучило раскаяние: Отец наверняка всё прекрасно знал.

Император открыто признал:

— Лучше всего Я относился к си-фэй, больше всего любил Седьмого. И твоя матушка знала об этом.

Наследный принц попытался найти оправдание для отца:

— Седьмой брат умен и душою чист, он воистину достоин Вашей любви.

— И ты не держишь на Меня зла?

Наследный принц изо всех сил покрутил головой.

Император усмехнулся:

— Седьмой — самый милый Моему сердцу ребенок.

Наследный принц тут же кивнул в знак согласия.

Император поглядел на него и вдруг заговорил необычайно серьезно, чеканя каждое слово:

— А ты — сын, которым Я горжусь больше всего на свете.

Слезы, которые наследный принц так отчаянно сдерживал, наконец хлынули из глаз:

— Отец!

— Ты слишком великодушен и привязчив. Это благородное качество, но для властелина — смертельный изъян, — продолжал Император, глядя на него. — Подданным легко разгадать твои чувства и использовать тебя. Цзиньань, быть тебе добрым подданным куда лучше, чем мудрым правителем.

Наследный принц не понял смысла этих слов. Со слезами на глазах он растерянно посмотрел на отца, желая попросить разъяснений.

В душе наследного принца жила глубокая вина; будь отец здоров и полон сил, он сам бы признал проступки и просил о лишении его статуса наследника.

Но сейчас положение в государстве оставалось шатким, кругом подстерегали враги, и он не мог снимать с себя бремя ответственности, когда жизнь отца висела на волоске.

И все же смысл слов отца звучал так, будто тот призывал его отказаться от престола.

Император уже бредил.

Он не ведал о происходящем в лагере. Всё то, чему он собирался постепенно научить наследного принца, теперь разъяснить уже не успевал.

Ему оставалось лишь выделить главное. Император крепче сжал руку наследника:

— Новый закон — не долговечное решение. Я согласился на его опробование... лишь ради того, чтобы ты собственными глазами увидел плоды. Если взойдешь на престол, ни в коем случае не вводи Новый закон по всей стране...

Наследный принц обомлел. Он никак не ожидал, что отец заговорит о государственных делах в такую минуту.

К тому же опробование Нового закона шло весьма успешно — почему же Отец вдруг произнес нечто подобное?

<http://bllate.org/book/18379/1767201>